Новые европейские реальности

Марина ЗАЙОНЦ

Чеховский фестиваль только-только раскочегарился, выпустил пар и набрал движение, но, как ни странно, уже довелось услышать привычные в критической среде нервно-утомленные вопросы типа: "Я не понимаю, почему это (или то — значения не имеет) привезли?" По мере поступления спектаклей, вызывающих, как принято говорить, неоднозначную реакцию, кулуарные страсти накаляются, глаза сверкают восторгом и праведным гневом почти одновременно, ирония — орудие отнюдь не пролетариата — оттачивается, копится впрок, на всякий случай, а изливается, кажется, еще до начала того или иного спектакля. Между тем вопрос, заданный вначале, вовсе не пустяковый, а прямо-таки основополагающий. Хотя ответ на него предельно прост и даже, я бы сказала, банален — и то, и это, и все другое, что нам еще предстоит, привезли для того, чтобы мы увидели, узнали, познакомились. Чтобы потом, как известная всем Наталья Петровна (на всякий случай, совершенно, впрочем, невозможный, напоминаю — героиня пьесы "Месяц в деревне"), мы могли ответственно и сурово сказать: "смотрели, но никакой прелести найти не удалось". И больше не для чего.

Чеховский фестиваль в отличие от "Золотой Маски" не привозит "лучшее" и не раздает наград, он отбирает именно что типичное, характерное, знаковое. Появился где-то занятный режиссер, вызвавший у себя в стране возбуждение и страсти, а нам его — раз, и привезли. Чем плохо? Не говоря уже о том, что всегда можно не пойти. Если любопытство — не главное твое качество.

Оливье Пи. "Кабаре мисс Найф" (за кадром – "Лицо Орфея"). Театр "Л" Энконвеньян де Бутюр". Франция

Оливье Пи – новое, балованное дитя Авиньонского фестиваля. Ужасный ребенок и всеобщий любимец. Ему тридцать три года, и всюду – в программках, в буклете, на пресс-конференции – его трепетно, но верно характеризуют как надежду французской сцены. Филолог по образованию, он занимался теологией, одно время собирался стать музыкантом, но в итоге выбрал театр. Место, где можно использовать все его таланты разом. Он пишет стихи, песни, пьесы, режиссирует, выступает как актер, охотно общается с публикой и прессой, философствует, шутит, бунтует, кокетничает и открывается перед нами на удивление бесхитростно.

На встрече с дотошными московскими критиками, весьма кстати устроенной дирекцией Чеховского фестиваля, Оливье Пи рассказал о себе много интересного. Сообщил, например, что ни одно из направлений режиссуры XX века его не привлекает, великие или просто широко известные режиссерские имена не вдохновляют и, пожалуй, вообще не интересуют. Да, он и его поколение рождены в эпоху Брука, Шеро, Витеза, Мнушкиной, но они (новые сердитые молодые люди) не желают играть на том же поле. Режиссура в общепринятом значении этого слова их, как говорится, достала и вызывает одно только брезгливое отторжение. Оливье Пи не считает себя режиссером. На задиристый вопрос: "кем же он себя числит?" скромно и нежно ответил – поэтом. Поэтом, делающим театр.

Главное откровение Оливье Пи – конечно, "Лицо Орфея". Многочасовое сочинение, созданное по заказу Авиньонского фестиваля и показанное этим летом в Почетном дворе Папского дворца (о нем, возможно, вам расскажет кто-то другой, но только не я). А в качестве гарнира к основному блюду в Москву привезли "Кабаре мисс Найф", которое Пи настоятельно просил считать всего лишь разминкой, пустяковым, ничего не значащим развлечением. "Кабаре" выпускают вперед перед важным и ответственным мероприятием, чтобы сбить пафос, расслабиться, не надувать щеки и не умничать так уж слишком – рекомендация хороша и для актеров, и для зрителей. Это не спектакль, – вновь и вновь уговаривал нас неутомимый Оливье, – можете считать, что это концерт французской песни. Во Франции теперь мало поют французские песни, мы захотели их вспомнить.

"Кабаре", вырванное из земли, согретой неистовым прованским солнцем, в нервном российском климате не очень прижилось. Строгая московская публика растерялась и не вполне понимала, как реагировать. Наиболее строгие говорили, что такой капустник могут устроить на первом курсе любого театрального училища. Наверное, это правда. Впрочем, совершенно не отменяющая прелести легкого французского десерта, который почему же не съесть, раз подают. Надо всего лишь расслабиться и получить удовольствие – этот чудный рецепт хорош для самых разнообразных случаев, подброшенных жизнью, а вовсе не только для того одного, о котором вы давно знаете.

"Кабаре мисс Найф" – такое же дитя Авиньона, как и его создатель. Дитя города, который сам по себе – большая сценическая площадка. Представляют, гримасничают, танцуют и веселятся всюду. На каждом квадратном сантиметре кто-то упорно и непритязательно представляет сам себя. Музыканты, циркачи, мимы, кукольники, шутники и забавники. Никто не требует от них дипломов и не сравнивает с образцами. Праздно гуляющие подходят, постоят и уходят, если не заинтересовало. Вокруг бегают и галдят дети, за столиками уличных ресторанов едят, пьют, громко разговаривают, жестикулируют, зевают, курят, читают газеты и смотрят по сторонам. Здесь все – театр, в котором одинаково необязательны исполнители и публика.

В Москве, где в принципе нет традиции легкомысленных, ни к чему не обязывающих уличных представлений, это самое "Кабаре" вынуждены были втиснуть под крышу казенного, орденоносного театра (театра Российской Армии), да еще оставить в зале ряды кресел, зажав со всех сторон стыдливо накрытые белой скатертью, прижавшиеся друг к другу столы со скучной фуршетной закуской. Места за столами стоили дорого и в большинстве своем остались пустыми. Жесткие театральные кресла заняла взыскующая профессиональная публика, так сказать, критики по определению.

Тем временем, украшенная гирляндами лампочек сцена подозрительно напоминала хорошо знакомую эстрадную площадку в приморском парке культуры и отдыха. Морячки в тельняшках, во французских беретах с помпонами, вырвавшись на подмостки, наяривали музыку. Стыдливо хихикали ударные, взвизгивал контрабас, протяжно вздыхал аккордеон, игриво подмигивали разноцветные огни – вся эта вакханалия звуков замирала в ожидании, а потом разухабисто сопровождала вульгарную, нахальную певичку в невообразимых туалетах (или почти без оных). Ее, не скажу – играл, но показывал, изображал (развлекался, оттягивался et cetera) Оливье Пи. Вдохновенно пел, отчаянно хватаясь за самые высокие ноты и лихо падая вместе с ними вниз, увлеченно задирал ноги, демонстрируя толстые ляжки и голую задницу, вскакивал на стол, непрестанно заигрывал с публикой, пытаясь ее раззадорить и завести.

Сказать, что кто-то из морячков и еще одна поющая дива (Элизабет Мазев) всерьез запомнились или чем-то особенным отличились, будет преувеличением, а только их совместная затея – сумбурная, эклектичная, хулиганская, провинциальная и удивительно простодушная – доставила удовольствие. Может быть, как раз оттого, что никто не лез из кожи вон, выше потолка не прыгал и ни на что не претендовал. Пели старые, знаменитые песни, никого не пародируя, пели с любовью и очень старательно (может, оттого и было смешно?) – песни Азнавура, Пиаф, Монтана, Брассенса и многих других, кого мы не знаем (песни Оливье Пи в том числе). Пели по-всякому, хорошо и не очень. Так, наверное, поют в какой-нибудь южной провинции у моря, в городских садах и курзалах, не для славы, а для удовольствия. Или в компаниях, за столом, среди своих, когда не нужно заботиться о голосе и мастерстве.

Публика вела себя чинно. Смеялась и аплодировала, как положено в театре, но многого себе не позволяла. Молодые люди с хорошо выбритыми, внушительными затылками и их дамы, напряженно выпрямившись за накрытым столом, робко курили, но о том, чтобы смачно жевать яблоко, пить вино, шелестеть конфетными фантиками и подпевать – мечтать не приходилось. Выступавшие как могли намекали, что мы для них свои, родные и близкие, а потому вольны (и даже должны) вести себя совершенно свободно, но обстановка и мизансцена настаивали – вы в театре, не забывайтесь, вход после третьего звонка категорически воспрещен.

А тут еще французский язык. Как это ни огорчительно, у нас его не все знают. И слов даже самых известных песен мы тоже не знаем. Вот если бы нам предложили спеть "Калинку", или, к примеру, "Ландыши" и "Миллион алых роз" – дело другое. Но эти морские волки и неутомимые кабаретные барышни, отчаявшись с нами сладить, спустились в конце концов в зал, встали в проходах и запели что-то очень лирическое и совершенно незнакомое. Они явно предлагали нам взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке. В крайнем случае – обнять друг друга за плечи и покачаться из стороны в сторону в свое удовольствие. Но то ли идея доверительного братства нам больше не по душе, то ли в словах мы были не уверены, а только и за руки не взялись, и даже во мнениях в конце концов совершенно не совпали. С тем и разошлись. В ожидании "Орфея".

Кристоф Марталер. "Три сестры". Театр "Фольксбюне". Германия

"...Я живу среди немцев, уже привык и к комнате своей, и к режиму, но никак не могу привыкнуть к немецкой тишине и спокойствию".
Из письма А.П. Чехова – М.П. Чеховой. 16 июня 1904 г. Баденвейлер.

Спектакля Марталера в Москве ждали. Те немногие, кто видел и полюбил другие его спектакли. И большое число друзей и соратников, слушавших наши рассказы. Увиденный два года назад спектакль "Убей европейца..." произвел очень сильное впечатление. Прошло время, другие лица, события и чувства захватывали возбужденное театроведческое воображение, а вот ведь – все по-